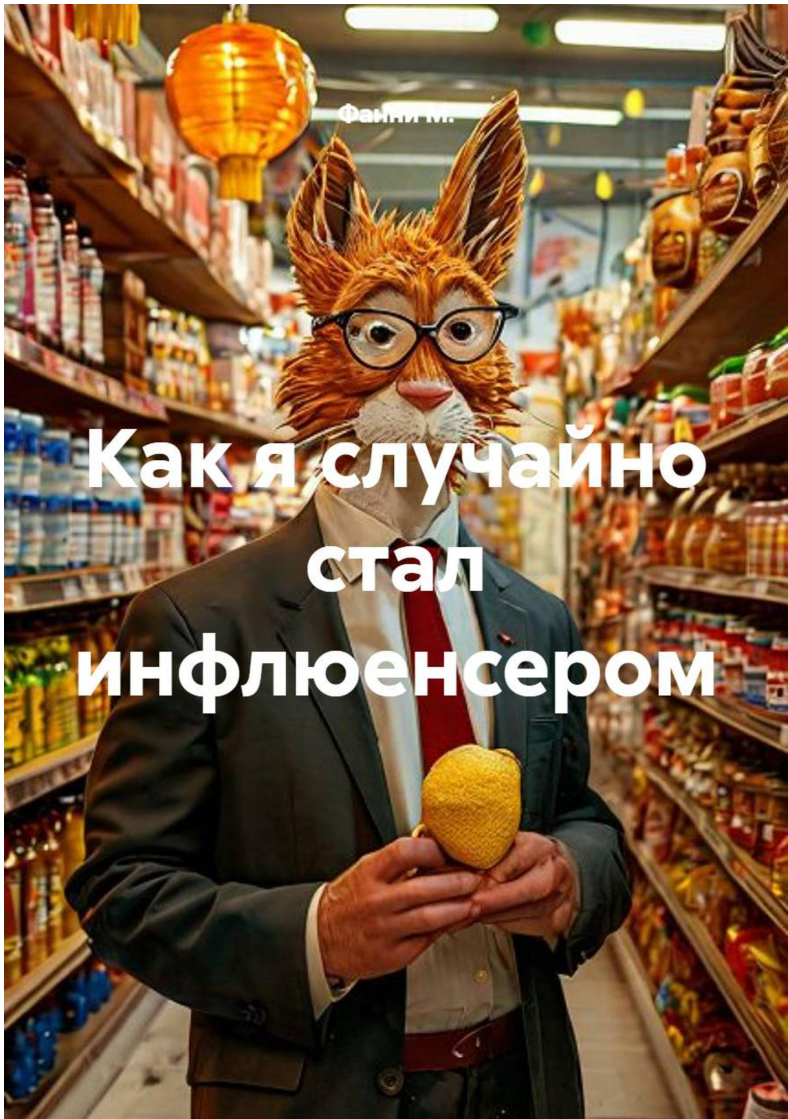

Фангги.тг

Как я случайно стал инфлюенсером

Фанни М.

Как я случайно стал инфлюенсером

<https://litres.ru/74262748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Скромный бухгалтер Семён Зайцев больше всего на свете ценит точность и порядок. Но когда по нелепой случайности он снимает вирусное видео, его жизнь превращается в хаос. Теперь он — звезда интернета, лицо рекламы суперклея и завидный жених. Каждый поход в магазин становится реалити-шоу, а попытки всё исправить приводят к новым катастрофам. Семёну предстоит узнать, что даже в самом безумном мире можно свести баланс — если добавить в него любовь, самоиронию и щепотку лимонной цедры.

Содержание

Глава первая,	4
Глава вторая,	30
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Фанни М. Как я случайно стал инфлюенсером

Глава первая, в которой идеальный порядок рушится из-за пирога

Если вам когда-нибудь доводилось слышать выражение «уютный ад», то знайте: это не фигура речи. Это точное описание однушки в панельной девятиэтажке на улице Строителей, где проживал Семён Аркадьевич Зайцев. Человек, чья жизнь была похожа на идеально отлаженный квартальный отчёт: всё по графам, всё сходится, дебет с кредитом в вечной и нерушимой гармонии.

Семён Аркадьевич был бухгалтером. Нет, не так. Он был Бухгалтером с большой буквы, эталонным жрецом баланса, существом, которое дышало цифрами и переваривало реальность в таблицах «Эксель». В свои тридцать четыре года он достиг в профессии той степени просветления, когда мог определить ошибку в платёжке по едва уловимому шороху бумаги. Его мир состоял из понятных, осязаемых вели-

чин: начисление, удержание, сальдо, оборотно-сальдовая ведомость. Весь хаос мироздания, вся непредсказуемая энтропия разбивались о скалу его методичности. Утром — подъём в шесть сорок пять, стакан кефира, овсяная каша (время варки — ровно три минуты после закипания), душ — семь минут, одевание — четыре. Маршрут до работы выверен до секунды, обеденный перерыв — с часу до двух, и не дай бог задержаться. Вечером — чтение специализированной литературы или просмотр документального фильма о миграции пингвинов. Пингвинов Семён Аркадьевич уважал. Они были чёрно-белыми, строгими и не задавали глупых вопросов, как его коллега Зинаида Павловна, вечно путавшая дебет с кредитом и умилявшаяся котикам в социальных сетях.

Собственно, именно благодаря Зинаиде Павловне и её котикам Семён Аркадьевич знал о существовании этих самых социальных сетей, хотя относился к ним как к чему-то вроде инфекционного заболевания — знал, что существует, но старался не контактировать. У него не было смартфона. Был надёжный кнопочный «Нокиа», который держал зарядку неделю и использовался исключительно для двух целей: звонков и функции будильника. А для выхода во всемирную сеть дома имелся стационарный компьютер, чёрный, строгий системный блок, монитор с матовым покрытием, чтобы не дай бог блик не упал на цифры. Идеальный инструмент для работы и для того, чтобы раз в месяц оплатить коммунальные услуги через онлайн-банк.

Но у всякого идеального механизма есть ахиллесова пята. У Семёна Аркадьевича их было две. Первая — это его троюродная сестра Леночка, проживавшая в Подольске и обладавшая уникальной способностью появляться на пороге его квартиры в самый неподходящий момент. Вторая, и куда более опасная, — это планшет.

Планшет Семёну Аркадьевичу подарили на корпоративном Новом году два года назад. Это была акция от партнёров фирмы, безликий агрегат на операционной системе «Андроид», который вручили всем сотрудникам бухгалтерии. Зинаида Павловна немедленно залила свой фотографиями внуков и рецептами запеканок. Системный администратор Вадик настроил его под просмотр сериалов. А Семён Аркадьевич, взвесив плюсы и минусы, решил использовать его как продвинутую «читалку» для профессиональной прессы и как устройство для видеозвонков с Леночкой. Та настаивала на «визуальном контакте», утверждая, что не видеть лица родного человека во время разговора — это моветон. Семён Аркадьевич не знал точного значения слова «моветон», но, сверившись со словарём, был вынужден согласиться.

Он настроил планшет с истинно бухгалтерской дотошностью. Удалил все лишние приложения. Оставил только почту, браузер, программу для чтения и зелёный значок видеосвязи. Камеры на устройстве он побаивался и, будучи человеком осторожным, фронтальную камеру на всякий случай заклеил кусочком изоленты. Мало ли. Он слышал от того же

Вадика страшные истории о хакерах, которые могут следить за тобой через веб-камеру. Хакеры, конечно, вряд ли заинтересуются его унылой физиономией, но порядок есть порядок.

Именно этот планшет и стал тем камнем, что вызвал лавину, погребшую под собой его размеренную жизнь.

Тот день, четверг, не предвещал ничего дурного. Семён Аркадьевич вернулся с работы на семнадцать минут позже обычного. Причина была уважительная: в бухгалтерию ворвался взмыленный курьер и потребовал срочно подписать акт сверки, перепутав этажи. Пока выясняли, пока искали, прошло время. Сбой графика неприятно саднил в груди, как фальшивая нота в симфонии. Чтобы восстановить душевное равновесие, Семён Аркадьевич решил испечь пирог.

Это было его тайное хобби, почти порок. Выпечка. Причём не какая-нибудь банальная шарлотка, а сложные, много-составные конструкции из песочного теста, заварного крема и ягодного конфи. На кухне, среди весов, мерных стаканов и кондитерских мешков, Семён Аркадьевич чувствовал себя демиургом. Точность рецепта, химическая реакция ингредиентов, строгий температурный режим — всё это превращало кулинарию в раздел прикладной математики. А то, что результат можно было съесть, являлось приятным бонусом.

Сегодня в плане стоял лимонный тарт с итальянской меренгой. Рецепт был найден на одном кулинарном форуме, распечатан и бережно вложен в папку с прозрачными файла-

ми. Семён Аркадьевич переоделся в домашнее — тренировочные штаны с пузырями на коленях и вытянутую футболку с надписью «Лучшему бухгалтеру», которую ему когда-то вручила всё та же Леночка, — и приступил к священнодействию.

Муку он просеял трижды. Масло порубил кубиками со стороны ровно в один сантиметр. Яйца были комнатной температуры — он вынул их из холодильника за час до ухода, предвидя этот момент. Всё шло по плану. Тесто замесилось гладкое, эластичное и отправилось в холодильник на отдых. А сам Семён Аркадьевич взялся за курд.

И вот тут, в момент, когда он сосредоточенно тёр цедру трёх лимонов, стараясь не задеть белый горький слой, в прихожей зазвонил городской телефон.

Телефон издавал пронзительную, механическую трель, от которой у Семёна Аркадьевича всегда сводило зубы. Он вздрогнул. Тёрка в его руке дёрнулась, и часть цедры, минув миску, осыпалась прямо на кнопочную «Нокиа», лежавшую на столе. Семён Аркадьевич чертыхнулся про себя (вслух он не ругался никогда, считая это распушенностью), аккуратно положил лимон, вытер руки вафельным полотенцем и поспешил в коридор.

Звонила, конечно, Леночка.

— Сёмочка, привет! — защебетала она в трубку так, будто они не разговаривали три года, хотя последний сеанс связи был позавчера. — Ты дома? А чего трубку не снимаешь? Я

уж волноваться начала!

— Добрый вечер, Елена, — сухо поздоровался Семён Аркадьевич. — Я был занят. Мыл руки.

— Ой, да брось ты эти церемонии! Я чего звоню-то. Ты ведь у нас с компьютером на «ты», да?

Семён Аркадьевич хотел было уточнить, что предпочитает с компьютером на «Вы», но промолчал. Леночкин словесный поток было не остановить.

— Короче, слушай, беда у меня! Я тут на какую-то кнопку нажала, и всё исчезло! Вообще всё. Экран синий, и ни одной картиночки. Что делать-то? Пропаду я без интернета, Сёма!

У Семёна Аркадьевича задергался левый глаз. Он глубоко вздохнул, представляя, как сейчас лимонный курд, не дождавшись цедры, теряет свой ароматический потенциал.

— Елена, успокойтесь. Опишите проблему по порядку. Что значит «всё исчезло»? Какой именно экран? Вы перезагружали устройство?

Последующие пятнадцать минут Семён Аркадьевич провёл, пытаясь дистанционно реанимировать ноутбук своей сестры. Он говорил медленно, чётко, как диспетчер экстренной службы, инструктирующий человека, как делать непрямой массаж сердца: «Нажмите на клавишу с изображением окна. Нет, Елена, окна, а не домика. Окно — это такой прямоугольник, разделённый на четыре части. Что значит, у вас его нет? Он есть у всех. Смотрите внимательнее. Нашли? Нажимайте. Что произошло? Ничего? Нажмите ещё раз. Нет,

зачем вы нажимаете на чайник, я сказал — окно!»

К тому моменту, когда выяснилось, что Леночка каким-то чудом активировала режим «второго рабочего стола» и все её «картиночки» переехали туда, Семён Аркадьевич чувствовал себя выжатым, как лимон, над которым он трудился. Он дал сестре ценные указания больше никогда не нажимать на кнопки, значения которых не понимает, и, оборвав её излияния благодарности на полуслове, вернулся на кухню.

Его встретила гора грязной посуды, остывшая духовка и подсохшая лимонная цедра на корпусе телефона. Настроение было безнадёжно испорчено. Планшет, который он использовал для чтения рецепта, сиротливо лежал на подоконнике, рядом с горшочком базилика — его единственного зелёного друга. Семён Аркадьевич взял планшет, чтобы свериться с пропорциями для меренги. Экран послушно загорелся. Рецепт был на месте.

И тут в голове у него что-то щёлкнуло. Нет, даже не щёлкнуло. Это был миниатюрный, но разрушительный тектонический сдвиг. Вероятно, сказались пережитый стресс от задержки на работе, пятнадцатиминутный телефонный кошмар и многолетняя усталость от тотального контроля всего и вся. В тот вечер, впервые за долгое время, он захотел не просто следовать рецепту. Он захотел... творчества. Бунта.

Лимонный курд получился недостаточно жёлтым. Ему не хватало жизнерадостности. А меренга... Семён Аркадьевич представил себе не банальные белые «клювики», которыми

венчают классический тарт, а нечто более воздушное, более впечатляющее. Почему бы не подкрасить её? У него был натуральный пищевой краситель — сок свёклы, оставшийся с прошлого эксперимента над борщом. Ярко-розовая меренга на лимонно-жёлтом фоне — это будет смело. Это будет... дерзко.

Он уже не шёл, а летел к холодильнику за яйцами. Энергия бунтарства бурлила в его крови. Руки двигались с невиданной скоростью. Он разбил яйца, отделил белки с мастерством хирурга и начал взбивать. Миксер гудел, как рассерженный шмель. Белки превратились в пену, пена — в плотную, глянцевую массу. Пришло время сахарной пудры и красителя.

Семён Аркадьевич потянулся за свёкольным соком, который стоял в маленькой баночке на краю стола. И в этот самый момент, когда его пальцы уже сжимали холодное стекло, случилось сразу несколько вещей.

Во-первых, его локоть задел планшет, стоявший на подоконнике. Тот покачнулся, но устоял. Во-вторых, пытаясь поймать равновесие, Семён Аркадьевич сделал резкое движение бёдрами назад и задел стул, на спинке которого висела его хозяйственная сумка. В-третьих, сумка, полная всякой всячины, с грохотом рухнула на пол. Из неё, словно чёртик из табакерки, вылетел тюбик с суперклеем, который он купил, чтобы починить отвалившуюся подошву зимнего ботинка. Тюбик, описав в воздухе замысловатую дугу, призем-

лил ся точнёхонько в миску с только что взбитыми белками.

Семён Аркадьевич замер. В наступившей тишине было слышно только тихое, издевательское шипение оседающей пены.

Он смотрел на тубик «Момент а», который нагло плавал в белоснежном облаке, как айсберг-убийца в водах Антарктиды. Мозг бухгалтера лихорадочно просчитывал убытки. Три яйца. Двести граммов сахарной пудры. Чайная ложка лимонного сока. Полчайной ложки ванильного экстракта. И тубик суперклея. Итог: сто восемьдесят семь рублей пятьдесят копеек и полчаса времени. Уничтожено. Выведено из актива.

Первой реакцией было холодное, рациональное спокойствие. Он аккуратно, двумя пальцами, вытащил тубик из миски, стараясь не запачкаться. Затем взял миску и вылил испорченный белок в мусорное ведро. Тягучая, похожая на инопланетную слизь масса нехотя сползла в пакет. Всё. Меренги не будет. Будет обычный тарт, без розовой шапки, без бунтарства. Мир снова вернулся в свою унылую колею.

И тут Семён Аркадьевич краем глаза заметил движение на экране планшета.

Экран горел. Но на нём был не рецепт. Вся поверхность была заполнена быстро бегущими строчками. Вначале он не понял, в чём дело. Он снял очки, протёр их, снова надел. Строчки продолжали бежать. Это были сообщения. Десятки, сотни сообщений в каком-то чате. Они наслаивались друг на друга, перебивали, сыпались с невероятной скоростью.

«Ахахахах, я не могу!»

«Что это было?!»

«Дядька с клеем — моя новая религия!»

«Смотрите, как он на него посмотрел! Взгляд бухгалтера-убийцы!»

«Ставлю лайк, если тоже сначала подумал, что это он так белки взбивает!»

«Рецепт сайентологов: как приготовить несъедобную меренгу»

«Где пружины? Кидайте запись! Кто записал????»

Руки у Семёна Аркадьевича похолодели. Он осторожно, как сапёр, берущий в руки мину, взял планшет. Пальцы дрожали, и он никак не мог попасть по кнопке возврата. Наконец, ему удалось свернуть окно чата. За ним открылось другое окно. Это было приложение, которого он никогда раньше не видел. Или видел, но не обращал внимания. Иконка была похожа на стилизованный глаз, вписанный в квадрат. Название приложения было ему смутно знакомо. Что-то, о чём говорил Вадик. Какое-то «Мгновение»... или «Миг»... Точно! «Живой Миг». Прямая трансляция видео.

Видео!

Он с ужасом увидел, что экран транслирует... его кухню. Его, Семёна Аркадьевича, кухню, снятую с немного неудобного ракурса, снизу вверх. А в центре экрана, в правом нижнем углу, виднелся он сам, склонившийся над мусорным ведром с застывшим лицом, на котором читалась вся скорбь мира. Скорбь о трёх куриных яйцах и чайной ложке ванильного экстракта.

Произошедшее дальше можно описать только медицинским термином «ступор». Семён Аркадьевич смотрел на экран, и его отражение смотрело на него. Он поднял руку. Отражение подняло руку. Он помахал пальцами. Отражение помахало в ответ. Он скорчил гримасу. Отражение скорчило гримасу. Это был не записанный ролик. Это был он, в прямом эфире. Живой.

В голове вихрем пронеслись обрывки мыслей. Изолента на фронтальной камере была на месте. Значит, работала основная камера на задней панели. Как она включилась? Локтём. Точно. Когда он задел планшет локтем, он не просто покачнул его. Он каким-то непостижимым образом нажал на иконку приложения, а приложение, по роковой случайности, само запустило трансляцию. Возможно, там была какая-то функция «начать прямой эфир в одно касание». Или он сам когда-то, сто лет назад, из праздного любопытства нажал не туда, и настройки сохранились. Какая теперь разница! Факт оставался фактом: он, Семён Аркадьевич Зайцев, бухгалтер,

человек, чьё фото не появлялось даже на доске почёта, сейчас находился в прямом эфире.

Он судорожно начал тыкать в экран, пытаясь завершить трансляцию. Но от волнения пальцы не слушались. Экран то гас, то снова загорался, приложение не закрывалось, а чат не исчезал. Количество зрителей, отображаемое в верхнем углу, росло с каждой секундой. Сначала там было 152. Потом 403. 817. 1205. Семён Аркадьевич с ужасом смотрел на эти цифры. Они прыгали, как биржевые котировки в день финансового кризиса. 2400. 5100.

— Да выключись ты! — прошипел он, в сердцах встряхнув планшет. Жест, который в немом кино означал бы крайнюю степень отчаяния.

Чат взорвался новыми сообщениями.

«Он что, с планшетом разговаривает?»

«Тряси его, дядя, тряси! Может, оттуда ещё один клей выпадет!»

«Я плачу! У меня истерика! Он думает, что это планшет виноват!»

«А мне его жалко. Мужик реально расстроился из-за испорченного торта»

«Это не торт, это безе. Ты че, кулинар-любитель?»

«Да какая разница! Он сейчас расплатится, и я вместе с ним!»

Наконец, Семён Аркадьевич нашёл нужную кнопку. Красный кружок с изображением телефонной трубки, перечеркнутой линией. Он нажал на неё изо всех сил. Экран моргнул и погас. Тишина. Только сердце колотилось где-то в горле, отдавая барабанной дробью в висках. Он отбросил планшет на стол так, будто тот был раскалённым утюгом.

С минуту он сидел неподвижно, боясь пошевелиться. Всё тело было ватным. Он чувствовал себя так, словно его вывернули наизнанку, показали всему миру, а потом сложили обратно, но неаккуратно, перепутав внутренние органы. Как это могло произойти? С ним? С человеком, который проверяет утюг трижды перед уходом из дома?

Он медленно встал, прошёл в ванную и умылся ледяной водой. Стало немного легче. Он посмотрел в зеркало. На него смотрел всё тот же Семён Аркадьевич Зайцев. Бледный, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу, с красными пятнами на щеках и слегка безумным взглядом. Но это был он. Никаких рогов, копыт или третьего глаза. Ничего, что могло бы привлечь внимание тысячи двухсот... нет, к моменту отключения там было уже больше семи тысяч зрителей. Семь тысяч человек!

Стыд. Жгучий, всепоглощающий стыд накрыл его с головой. Семь тысяч человек видели, как он, взрослый мужчи-

на, занимается приготовлением пищи в растянутых тренировочных штанах и дурацкой футболке. Видели, как он опрокинул сумку, как в его идеальную меренгу упал тубик клея, как он с лицом трагического актёра выливал это в ведро. И как тряс планшет, умоляя его выключиться! Боже, он же с ним разговаривал!

Он представил себе этих людей. Кто они? Студенты, бездельники, скучающие пенсионеры? Они сидели по домам, в кафе, ехали в метро и смотрели на его позор. И смеялись. О, они, конечно, смеялись! Чат был полон этого смеха. «Аха-ха», «я не могу», смайлики, подмигивающие рожицы. Он стал посмешищем. Клоуном. Шутом гороховым для тысяч незнакомцев.

Эта мысль была невыносима. Он, человек, ценивший приватность выше всего, вдруг оказался голым на площади. Нет, хуже, чем голым. Голый человек на площади просто нарушает общественный порядок. А он нарушил какие-то неведомые, но от этого не менее строгие законы виртуального мира. И этот мир немедленно вынес свой вердикт.

Надо было уничтожить улики. Семён Аркадьевич ринулся обратно на кухню, схватил планшет и начал методично, как он умел, изучать настройки. Ему нужно было найти ту самую запись. Удалить её, стереть с лица земли, чтобы и следа не осталось. Он зашёл в профиль. Да, у него был профиль в этом «Живом Миге». Он не помнил, как его создавал. Видимо, в тот же день, когда Вадик помогал настраивать план-

шет на корпоративе. Вадик, царство ему небесное... тьфу ты, тьфу ты, просто Вадик, чего только не настроил. Логин был что-то вроде «Семён12345», а на аватарке стояла стандартная серая фигура человечка. Идеальный портрет невидимки.

В разделе «Мои трансляции» он с облегчением увидел, что запись эфира не сохранилась. Видимо, из-за того, что он так резко его оборвал, не дав корректно завершиться. Одно очко в пользу хаоса.

Но если записи нет в его профиле, это не значит, что её нет нигде. Эта мысль пронзила его, как удар током. Кто-то же наверняка записал всё с экрана! В чате же писали: «Кто записал? Кидайте запись!» Значит, копии уже гуляют по сети. Их могли переслать куда угодно. В эти бесконечные группы, паблики, каналы. Кошка, выпрыгнувшая из мешка, не запрыгнет обратно, как говаривал его покойный дед, любитель образных выражений.

Семён Аркадьевич заметался по кухне. Что делать? Звонить Вадиду? Нет, Вадик только раззвонит на всю контору. Звонить в полицию? Смешно. Какое заявление писать? «Неизвестные лица незаконно завладели моим изображением в момент кулинарного фиаско»? Его же на смех поднимут. Может, ну его? Просто забыть, как страшный сон. Интернет большой, информации много. Сегодня посмеялись, завтра забудут. Появятся новые клоуны, новые упавшие торты. Жизнь коротка, а память человеческая — ещё короче. Так он себя успокаивал.

Он машинально закончил приготовление тарта. Без меренги, просто посыпал сахарной пудрой. Поставил в духовку. Сел на табурет и уставился в одну точку. В квартире пахло печёным тестом и лимонами. Уютный, тёплый запах. Но уюта он не чувствовал. Он чувствовал себя как мышь, за которой наблюдают через стекло. Даже стены родной квартиры, казалось, стали прозрачными. Ему мерещились чьи-то взгляды.

Чтобы отвлечься, он включил телевизор. Шли новости. Диктор с непроницаемым лицом рассказывал о росте цен на энергоносители и о визите иностранной делегации. Скука смертная. Идеальный фон для размышлений. Семён Аркадьевич переключил канал. Ток-шоу. Какие-то люди с гротескными лицами что-то яростно обсуждали, перебивая друг друга. Он переключил ещё. Кулинарный канал. Молодой шеф-повар с татуировками на руках виртуозно нарезал авокадо. Семён Аркадьевич задержался на этом канале. Авокадо ему всегда не давалось — то недозрелое, то перезрелое. Вдруг шеф поднял глаза прямо в камеру, широко улыбнулся и сказал: «А сейчас, друзья, внимание! Секрет фирменного соуса! Главное — не добавьте туда случайно суперклей, как один мой знакомый!»

Семён Аркадьевич окаменел.

Шеф-повар весело рассмеялся и продолжил рецепт, но Семён уже не слушал. Ему показалось, что это был намёк. Прямой, целенаправленный намёк. Конечно, нет. Это-

го не может быть. Это просто совпадение. Расхожая шутка. Но совпадение было чудовищным. Сердце снова забилося с утроенной силой. Он выключил телевизор. В гостиной повисла звенящая тишина.

Он не мог найти себе места. Взял книгу — не читалось. Включил компьютер — работа не шла на ум. Всё валилось из рук. Он чувствовал себя заражённым. Вирус хаоса, проникший через планшет, теперь разъедал его идеально упорядоченный мир изнутри.

Ночь он провёл без сна. Лежал в постели, глядя в потолок, и прокручивал в голове каждую секунду этого злополучного прямого эфира. Как он выглядел со стороны? Каким жалким и нелепым он, должно быть, казался? Особенно его мучил момент с выливанием белков в ведро. Это выражение лица... он видел его на погасшем экране планшета. Маска вселенской скорби, достойная античной трагедии, но по такому ничтожному поводу. И тюбик клея. Как глупо. Как нелепо. Символ всей его жизни — попытка склеить то, что уже безвозвратно испорчено.

Утром он проснулся разбитым. В зеркале отразилось помятое лицо с мешками под глазами. Побрился, порезался. Принял душ — забыл намылить голову. Овсяная каша подгорела. Всё шло наперекосяк. Это был уже не уютный ад, а какой-то филиал хаоса на дому. Но самое страшное ждало его за порогом квартиры.

По дороге на работу ему нужно было зайти в магазин. Ку-

пить молока. Обычный поход в гастроном, который он совершал сотни раз. Он оделся в свой стандартный наряд — серый костюм, белая рубашка, галстук в тон. Единственное, что он изменил — надел тёмные очки. Сам не зная зачем. Для маскировки. Ему казалось, что на него все смотрят. И, как это ни парадоксально, он ошибался и не ошибался одновременно.

В магазине, у прилавка с молочной продукцией, к нему подошла женщина. Самая обычная женщина, лет пятидесяти, с хозяйственной сумкой и в берете. Она внимательно посмотрела на Семёна Аркадьевича, сощурилась, а потом её лицо озарила широкая, радостная улыбка узнавания.

— Ой, — сказала она, прижав руку к пышной груди. — А я вас знаю!

Семён Аркадьевич внутренне сжался в точку. Он хотел провалиться сквозь кафельный пол, в подвал, в само ядро Земли. Только не это.

— Вы ошиблись, — глухо пробормотал он, стараясь смотреть в сторону. — Мы не знакомы.

— Да нет же, я вас точно где-то видела! — настаивала женщина. — Лицо очень знакомое! Вы не на телевидении работаете? Может, в «Новостях» погоду ведёте?

В груди у Семёна Аркадьевича отлегло. Телевидение. Погода. Не пирог с клеем. Слава богу!

— Нет, — ответил он почти нормальным голосом. — Я не имею отношения к телевидению. Я бухгалтер.

— Надо же, — удивилась женщина, не сводя с него изучающего взгляда. — А лицо ну прямо с экрана. Такое, знаете, запоминающееся. Интеллигентное лицо. Извините за беспокойство.

Она отошла, а Семён Аркадьевич выдохнул. Но облегчение было недолгим. Потому что в очереди в кассу парень лет двадцати, с наушниками в ушах, вдруг уставился на него, потом перевёл взгляд на свой телефон, снова уставился на Семёна и вдруг прыснул, давясь от смеха. Его плечи затряслись. Он пытался сделать вид, что просто кашляет, но это плохо получалось. Его девушка, стоявшая рядом, тоже посмотрела сначала на него, потом на Семёна, и её лицо медленно, словно рассвет, озарилось понимающей улыбкой.

Они знали. Они точно знали.

Семён Аркадьевич бросил молоко на ленту, расплатился дрожащими руками и почти бегом покинул магазин. На улице он сдёрнул очки. Сердце колотилось как бешеное. Паранойя? Да. Но этот смех. Он не мог ошибиться. Они узнали его. Значит, запись разошлась. Значит, она жива и набирает обороты. Он всего лишь хотел купить молока, а оказался участником дурацкого реалити-шоу.

Придя на работу, он попытался спрятаться за своим столом, как за крепостной стеной. Цифры, отчёты, проводки — вот его спасение. Вот мир, где нет места хаосу. Он с головой ушёл в квартальный отчёт, стараясь не обращать внимания на шепотки за спиной. Коллеги вроде бы вели себя как обыч-

но. Зинаида Павловна пила чай и рассказывала о новых проделках своего кота Барсика. Вадик что-то печатал, сосредоточенно глядя в монитор. Никто не показывал пальцем, не смеялся. Возможно, они ничего не видели? Возможно, это только его персональный, местечковый интернет-ад, о котором знает лишь горстка случайных зрителей? Он уже почти убедил себя в этом.

В обеденный перерыв он, как обычно, отправился в столовую. Взял поднос, выбрал винегрет, рыбную котлету и компот. Сел за свой привычный столик в углу. И только он поднёс ложку ко рту, как на его поднос с лёгким стуком приземлился тубик суперклея.

Семён Аркадьевич замер с ложкой в воздухе.

Перед ним стоял Вадик. Системный администратор Вадик, молодой человек в мешковатом свитере и с вечной ироничной ухмылкой на лице. Сейчас эта ухмылка была особенно широкой. Почти до ушей. В руках у него был смартфон.

— Семён Аркадьевич, — сказал Вадик шёпотом заговорщика. — Вы даже не представляете, кто вы теперь.

Семён медленно опустил ложку. Винегрет потерял всякий вкус.

— О чём вы, Вадим? — голос его прозвучал неестественно, как скрип плохо смазанной двери.

— Можно просто Вадик, — махнул рукой парень и без приглашения плюхнулся на стул напротив. — Я же ваш вечный должник за то, что вы мне материнскую плату помог-

ли выбрать. Так что я вам сейчас всё расскажу, как на духу. Помните вчерашний вечер? Планшет, миксер, «я тебя выключу»?

Краска отлила от лица Семёна Аркадьевича. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Молчите, молчите, — Вадик поднял руку. — Всё понятно. В общем, так. Вы — звезда. Этот ваш ролик... Семён Аркадьич, вы даже не представляете масштабов. Вчера вечером один мой знакомый скидывает мне ссылку, говорит: «Глянь, угар». Я глянул. И обомлел. Смотрю — наш отдел! Наш коридор! Узнал планировку. А потом вижу — вы! Я сначала не поверил. Думал, двойник. Но потом эти ваши очки, эта футболка «Лучшему бухгалтеру»... Сомнений нет.

Вадик разблокировал телефон и повернул его экраном к Семёну. Там было открыто какое-то приложение. «Тик-Так». Это название Семён Аркадьевич тоже слышал. Ещё одна помойка, по его мнению. На экране был он. Он, Семён Аркадьевич Зайцев, застывший с тубиком клея в руках над миской. И на этот стоп-кадр наложены огромные, сверкающие золотом буквы: «БУХГАЛТЕР-ТЕРМИНАТОР. КЛЕЙ-КОЕ ДЕЛО». А внизу — счётчик. Семён Аркадьевич при-смотрелся. Глаза его округлились до размера чайных блюдеч.

— Вадим, — прохрипел он. — Это что за цифра?

— Это, Семён Аркадьич, количество просмотров. Два миллиона триста тысяч. И это только на этом канале. А я вам

скидываю подборку. Там ещё штук десять таких же нарезок, каждая по лямбу набрала.

Два миллиона триста тысяч. Эта цифра, которая в бухгалтерском балансе означала бы годовую прибыль небольшого предприятия, ударила его по голове обухом. Два миллиона триста тысяч раз люди посмотрели на то, как он выливает яичные белки в помойку. Для сравнения, годовой тираж специализированного журнала «Современный бухучёт», который он выписывал, составлял пять тысяч экземпляров. Чтобы собрать такую аудиторию, его позору пришлось бы красоваться на обложке журнала четыреста шестьдесят лет подряд. Масштаб катастрофы только сейчас начал доходить до его затуманенного сознания.

— Но как? — только и смог выдать он. — Я же удалил трансляцию...

— Эх, Семён Аркадьич, тёмный вы человек, хоть и с цифрами на «ты», — Вадик покачал головой с видом умудрённого жизнью гуру. — В интернете ничего не удаляется. Вы даже не представляете, сколько народу сидит и круглосуточно записывает все прямые эфиры подряд. В надежде поймать какой-нибудь хайповый момент. И ваш момент поймали. Ещё как поймали. Вы теперь мем, Семён Аркадьевич. «Клейкий мужик». Или «Бухгалтер-Терминатор». Выбирайте, какое прозвище больше нравится.

Семён Аркадьевич тупо смотрел в стену. Мем. Он стал мемом. Для него, человека, который привык к точным опре-

делениям, это слово звучало как приговор. Мем — единица культурной информации. Способ распространения идей, образов, символов. Выходит, он больше не Семён Аркадьевич Зайцев. Он — символ. Символ нелепости. Символ кухонного фиаско. Его лицо, его вытянутая футболка, его несчастный тюбик клея — всё это стало общественным достоянием, материалом для шуток, переделок, пародий. Он стал цифровым фольклором.

— И что мне теперь делать? — спросил он, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— А ничего, — пожал плечами Вадик. — Живите, как жили. Ну, разве что привыкайте к славе.

Он вдруг хитро прищурился.

— А знаете, я ведь могу вам статистику поднять. По IP-адресам, по геолокации. Хотите знать, в каких городах вас больше всего смотрят? Могу даже демографию посмотреть. Возраст, пол.

— Не надо! — почти выкрикнул Семён Аркадьевич. — Никакой статистики! Я хочу забыть это, как страшный сон!

— Поздно, — резюмировал Вадик, поднимаясь из-за стола. — Сон стал явью. Ладно, удачи вам. Мой вам совет: просто расслабьтесь. Мир сошёл с ума, а вы — его новая рок-звезда.

Вадик ушёл, оставив Семёна Аркадьевича одного, в компании нетронутого обеда и тюбика суперклея, сиротливо лежащего на подносе. Он взял тюбик в руки. Холодный. Самый

обычный. И как такая мелочь могла породить такой колоссальный эффект?

Остаток рабочего дня прошёл как в тумане. Он путал цифры, ставил не те подписи и даже умудрился отправить платёжку не на тот счёт. Хорошо, Зинаида Павловна, которая, к счастью, ничего не знала о его интернет-славе, вовремя заметила ошибку и по-матерински пожурела его за невнимательность. Он извинился, сославшись на головную боль. И это была чистая правда. Голова раскалывалась.

Домой он возвращался окольными путями, дворами, шагая от каждой тени. Ему казалось, что из каждого окна, из каждой припаркованной машины на него направлен объектив камеры. Мир действительно превратился в одну сплошную съёмочную площадку реалити-шоу. Он зашёл в подъезд и быстро, почти бегом, поднялся на свой третий этаж. Захлопнул за собой дверь, запер её на все замки, включая задвижку, и прислонился спиной к холодному металлу.

Тишина. Квартира встретила его привычным запахом книг и лимонного тарта. Вчерашний пирог одиноко стоял на столе. Нетронутый. Семён Аркадьевич сел, не раздеваясь, в прихожей на банкетку. Он смотрел на этот пирог. И пирог, казалось, смотрел на него с немым укором. Плод его кулинарного бунта. С чего всё началось? С желания добавить розовую меренгу. Розовая меренга, розовый слон, розовая мечта. Всё это обернулось катастрофой.

Но странное дело. Вместе со страхом и стыдом в его душе

зарождалось какое-то новое, совершенно незнакомое чувство. Это была смесь раздражения и... любопытства? Да, самого настоящего любопытства. Ведь его жизнь, такая предсказуемая и выверенная, вдруг совершила кульбит. Из плоскости отчётов и проводок он вывалился в другое измерение, где правила игры ему были неведомы. Два миллиона просмотров. Эти люди смотрели на него не потому, что он хорошо считает. Они смотрели на него, потому что он был... живым? Настоящим? Смешным? Он не знал.

Он снял пиджак, аккуратно повесил его на плечики. Прошёл на кухню. Планшет лежал на столе экраном вниз. Как надгробная плита его прежней жизни. Семён Аркадьевич взял его. Руки больше не дрожали. Они были холодны и решительны. Он нажал кнопку. Экран загорелся, приветствуя его всё той же заставкой.

Вадик сказал: «Расслабьтесь». Легко сказать. Семён Аркадьевич Зайцев не умел расслабляться. Он умел анализировать. И если новая реальность такова, что он стал «мемом», значит, он должен изучить это явление. Понять его природу, его законы и его слабые места. Как бухгалтер, он не привык сдаваться перед лицом неучтённых факторов. Нужно просто открыть новую статью расходов. Статья: «Непредвиденная интернет-слава». И разобраться с ней раз и навсегда.

Он открыл браузер. Его пальцы на секунду зависли над строкой поиска. Он не знал, что искать. «Как удалить мем»? «Как стереть свою биографию из интернета»? Он усмехнул-

ся своим мыслям. Нет. Это война. А войну, как известно, нужно начинать с разведки.

И он начал вбивать в поисковую строку слова, которые ещё вчера казались ему ругательствами из чужого, варварского лексикона. «Бухгалтер Терминатор». «Клейкое дело». «Мужчина с суперклеем». С каждым новым запросом он всё глубже погружался в бездну собственного позора, ещё не зная, что именно этот путь, полный унижений и нелепостей, приведёт его к тому, чего он никогда не искал. К славе, деньгам и... новому, невыносимо яркому розовому цвету в его чёрно-белой жизни. Но это всё будет потом. А пока — он был просто уставшим бухгалтером, который впервые в жизни не знал, каков будет баланс на конец этого сумасшедшего дня.

Глава вторая, в которой скромный бухгалтер пытается исчезнуть и становится ещё заметнее

Спал ли Семён Аркадьевич в эту ночь? Строго говоря, нет. С точки зрения физиологии он, безусловно, находился в горизонтальном положении с закрытыми глазами, но его мозг, этот беспощадный процессор, привыкший перемалывать цифры, вместо цифр гонял по кругу одно и то же видео. Не абстрактное, а совершенно конкретное, с его собственным участием. Он снова и снова видел, как тубик суперклея, сверкнув колпачком, описывает дугу и скрывается в белоснежном облаке взбитых белков. Видел своё лицо, искажённое гримасой ужаса и скорби. Видел бегущую строку чата с этими дикими, незнакомыми словами: «ахаха», «лулз», «бомбит». К утру его психологическое состояние можно было описать бухгалтерским термином «непокрытый убыток», а физическое — как «основное средство, требующее капитального ремонта».

Подъём в шесть сорок пять не состоялся. Организм, дезориентированный бессонной ночью и тектоническим стрессом, объявил забастовку. Семён Аркадьевич очнулся в во-

семь двадцать три, что было сравнимо с опозданием поезда на двое суток. Первой мыслью было: «Проспал!» Второй, обрушившейся тяжёлым мешком: «Мем». Он сел на кровати. В утреннем свете, пробивавшемся сквозь неплотно задёрнутые шторы, комната выглядела как обычно. Книжный шкаф, письменный стол с монитором, стопка журналов «Главбух». Но всё это было лишь декорацией. Реальность треснула. Он больше не был просто Семёном Аркадьевичем Зайцевым. Теперь он был «Бухгалтером-Терминатором», «Клейким музиком», ходячей интернет-единицей.

Вчера, после разговора с Вадиком, он до глубокой ночи сидел за компьютером, вооружившись очками и кружкой остывшего чая. Он провёл полномасштабный аудит собственной катастрофы. Масштабы превзошли самые худшие ожидания. Искомая запись существовала в десятках вариаций: полная версия на пятнадцать минут, короткая нарезка с самыми «ударными» моментами, версия с наложенной музыкой из трагических фильмов, версия, где его движения ускорены, а голос изменён до писка. Была даже версия, смонтированная с фрагментом фильма о Терминаторе: робот-убийца тянется за оружием, а в следующем кадре — Семён Аркадьевич тянется за тубиком клея с абсолютно таким же выражением каменной решимости. Этот монтаж, судя по счётчику, посмотрели почти четыре миллиона раз. Четыре миллиона. За сутки.

Семён Аркадьевич машинально подсчитал: если бы каж-

дый просмотр приносил ему по рублю, он бы уже мог купить квартиру в центре Москвы. Увы, слава не монетизировалась сама собой. Она была как безнадёжный долг — только убытки и головная боль.

Он с трудом заставил себя встать. Умывался долго, тщательно, будто пытался смыть с лица не только следы усталости, но и сам факт своего существования в интернете. Глядя в зеркало, он провёл инвентаризацию внешности. Глаза красные. Мешки под глазами — как две дополнительных статьи расхода. Щетина. Общий вид — «товарный остаток после стихийного бедствия». Он оделся с особой тщательностью, выбрав самый строгий костюм цвета мокрого асфальта, белую рубашку без единой морщинки и галстук-бабочку. Бабочка была его тайным оружием в особо ответственные дни, когда нужно было заключать договор с налоговой или спорить с аудиторами. Она придавала ему академической солидности. Сегодня солидность была нужна как никогда. Завтракать он не стал. Сама мысль о еде вызывала спазм. Особенно о яйцах. И о лимонах. И о меренге.

Путь до работы, обычно выверенный до шага, превратился в полосу препятствий. Семён Аркадьевич двигался короткими перебежками, прижимаясь к стенам домов. Он надел тёмные очки, хотя солнце едва пробивалось сквозь облака. Любой прохожий с телефоном в руке казался ему оператором скрытой камеры. Каждый смех за спиной отдавался ледяной иглой в позвоночнике. Ему казалось, что даже голу-

би на карнизе смотрят на него с подозрительным интересом. Один особенно наглый сизарь, склонив голову набок, уставился прямо в глаза. «И этот туда же, — мрачно подумал Семён Аркадьевич. — Уже и птицы в курсе».

В офис фирмы «Гарант-Аудит», где он трудился последние двенадцать лет, он вошёл, как лазутчик во вражеский тыл. Проскользнул мимо поста охраны, прикрыв лицо папкой с отчётами. Дядя Коля, охранник, мирно читавший газету, удивлённо окликнул его:

— Семён Аркадьич! Вы чего это, как ниндзя? Заболели?

— Здравствуйте, Николай, — глухо ответил Семён, не оборачиваясь. — Аллергия. На весну.

— Так осень же на дворе, — резонно заметил дядя Коля, но спорить не стал.

Коридор бухгалтерии встретил его подозрительной тишиной. Слишком тихо. Обычно из-за дверей доносился стрекот принтера, жужжание сканера и монотонный бубнёж Зинаиды Павловны о её коте Барсике. Сейчас было тихо, как перед грозой. Семён Аркадьевич на цыпочках подошёл к двери с табличкой «Расчётный отдел», осторожно приоткрыл её и просочился внутрь. Его стол, святая святых, стоял у окна. Всё было на своих местах: монитор, клавиатура, стаканчик с ручками, календарь с пингвинами. Он выдохнул и сел.

— Доброе утро, Семён Аркадьевич, — раздался над ухом вкрадчивый голос.

Он вздрогнул так, что едва не опрокинул стаканчик. Ря-

дом стояла Зинаида Павловна, бухгалтер по первичной документации. Женщина монументальных форм, с причёской, напоминающей башню, и глазами, полными вселенской печали и сплетен. Обычно она начинала рабочий день с странного рассказа о том, что на завтрак съел Барсик. Но сегодня она молчала. Она просто стояла и смотрела на Семёна Аркадьевича. В её руке дрожал смартфон.

— Зинаида Павловна, — выдавил Семён, не смея поднять глаза. — Доброе.

— А я ведь вчера вечером чай пила, — трагическим шёпотом начала она, — и тут внучка мне ссылку кидает. Говорит, бабуль, смотри, какой смешной дядька. Я открыла... и обомлела.

Семён Аркадьевич почувствовал, как бабочка на его шее превращается в удавку.

— Вы представить себе не можете, Семён Аркадьевич, что я пережила. Я сначала подумала — сердце остановится. Сидит наш Семён Аркадьевич, и такое выделяет! А потом я вспомнила, что вы всегда были таким положительным мужчиной... И решила, что это какой-то монтаж. Это же монтаж, да? Вас подставили? Это искусственный интеллект?

— Это... несчастный случай, — промямлил Семён. — Чистая случайность, Зинаида Павловна. Нелепая.

— Ох, нелепая, это точно, — басовито вздохнула Зинаида Павловна, и в её взгляде промелькнуло что-то похожее на облегчение. — А то я уж испугалась. Думаю, может, вы

это... ну, тик-таки эти заводите? Позоритесь на старости лет. А это случайность. Ну, с кем не бывает. Я вот однажды борщ пересолила — так полрайона отпаивала.

Семён не стал уточнять, как можно отпаивать полрайона после пересоленного борща, и просто молча кивнул. Зинаида Павловна, кажется, поверила в версию про случайность. Или сделала вид, что поверила. Она ушла к своему столу, но Семён краем глаза видел, как она тут же уткнулась в смартфон и начала быстро-быстро печатать. «Понеслась информация по сарафанному радио, — обречённо подумал он. — Скоро весь рынок будет знать. И аудиторы, и контрагенты».

Следующим ударом судьбы стало появление Вадика. Системный администратор материализовался рядом с его столом бесшумно, как призрак. В руках он держал распечатанный лист бумаги.

— Семён Аркадьич, — сказал он с видом главврача, общающегося пациенту о редком диагнозе. — Я тут провёл небольшой анализ. Для вашего же блага. Знаете, как в бухгалтерии говорят: предупреждён — значит вооружён.

Он положил лист на стол. Это была таблица. Семён Аркадьевич невольно залюбовался её стройностью. Колонки, строки, цифры. Вадик знал, чем его задобрить.

— Это сводная статистика по вашему... э-э-э... медиаприсутствию, — пояснил Вадик. — Я пробежался по основным площадкам. Смотрите. «Тик-Так»: суммарно тридцать два миллиона просмотров по всем видео, где есть вы. «Ютуб»:

четыренадцать миллионов. «ВКонтакте» — девять миллионов. «Одноклассники» — шесть. Есть ещё несколько пабликов в этих ваших... телеграмах, но я туда не полез, там статистика мутная. Итого, по самым скромным подсчётам, аудитория вашего перформанса — свыше шестидесяти миллионов контактов. Это, Семён Аркадьич, аудитория двух финалов чемпионата мира по футболу.

Семён Аркадьевич смотрел на цифры. В колонке «Итого» красовалось число 61 000 000+. Он сглотнул комок в горле. Эти цифры не укладывались в голове. Он привык оперировать сотнями тысяч — зарплата, бюджет отдела, кредиторская задолженность. Миллионы были для него где-то там, в мире нефтяных корпораций и государственных закупок. И вот теперь в этих масштабах исчислялась его популярность. Популярность человека, который неправильно взбил яичные белки.

— Но это ещё не всё, — Вадик перевернул лист. — Есть раздел «Производные». Тут у нас мемы. Картинки с вашим лицом и подписями. Самые популярные: «Когда кончился дедлайн, а ты только нашёл ошибку в балансе», «Не подходи ко мне, у меня клей», «Бухгалтер ждёт аванс, как манну небесную». Ну и классика — ваше фото с вытянутой рукой и тубиком, а снизу надпись: «Сейчас я тебе всё склею». Это, Семён Аркадьич, народное творчество. Вас цитируют. О вас делают наклейки для мессенджеров.

Семён Аркадьевич поднял на Вадика глаза, полные тоск-

ливого недоумения.

— Наклейки?

— Стикеры, — пояснил Вадик. — Маленькие картинки. Вот смотрите.

Он разблокировал свой смартфон и показал экран. Там был открыт какой-то чат. На экране красовалась серия изображений: лицо Семёна Аркадьевича в различных гримасах, выхваченных из того самого видео. Один стикер изображал его, закатившего глаза в момент падения клея. Другой — с поднятым вверх пальцем, будто он читает лекцию. Третий — его лицо с каменным выражением, а внизу подпись: «Спокойствие, только спокойствие». Четвёртый — он в ужасе смотрит на миску, и подпись: «Когда увидел дебетовый остаток по кредитовому счёту».

— Это уже переходит все границы! — прошипел Семён, чувствуя, как закипает кровь. — Они используют моё изображение без моего согласия! Это нарушение авторских прав! Это статья 152.1 Гражданского кодекса! Я буду жаловаться! Я напишу заявление в полицию, в Роскомнадзор, в...

— Вы знаете, Семён Аркадьич, — перебил его Вадик мягко, — как в этой сфере работает закон? Пока вы будете писать заявление, пока его зарегистрируют, пока назначат проверку... Ваше видео к тому времени забудут. А если будете судиться, вы сделаете себе только хуже. Поднимете шум, привлечёте ещё больше внимания. Будет эффект Стрейзанд.

— Чего? — не понял Семён.

— Эффект, когда попытка что-то скрыть приводит к ещё большей огласке. Уж поверьте моему опыту. Лучшая стратегия — замереть и не шевелиться. Интернет пережует, переварит и выплюнет. Появятся новые мемы, про вас забудут. Ну, через неделю, максимум две.

— Две недели! — вздохнул Семён. — Это полмесяца жить под этим дамокловым мечом.

— Это реалии информационной эпохи, — пожал плечами Вадик и, перед тем как уйти, добавил: — И, кстати, счёт за анализ я не выставляю. Считайте это дружеским жестом. Но если захотите монетизироваться — обращайтесь. У меня есть знакомые ребята в рекламном агентстве...

Семён только отмахнулся. Монетизироваться! Ему бы просто спрятаться в нору поглубже.

Остаток рабочего дня превратился в изощёрённую пытку. Телефон в приёмной разрывался. Звонили журналисты. Какие-то интернет-издания, блогеры, представители радиостанций. Секретарша Аллочка, молодая девушка с ресницами, похожими на опахала, раз за разом заглядывала в кабинет, с трудом сдерживая улыбку.

— Семён Аркадьевич, там опять вас. Говорят, из «Вечерней Москвы». Просят комментарий. Что им сказать?

— Скажите, что я умер, — не поднимая головы от отчёта, ответил Семён.

— Но... — растерялась Аллочка.

— Скажите, что я выехал в длительную командировку. В

Антарктиду. С пингвинами проводить аудит. Всё, Алла, меня нет!

После пятого такого звонка он и вправду перестал существовать для внешнего мира. Отключил городской телефон на своём столе. Мобильный «Нокиа» предусмотрительно разрядил до нуля ещё с утра. Он погрузился в работу, словно в прохладную воду, спасаясь от пекла. Цифры успокаивали. Проводка за проводкой, он восстанавливал рушащийся мир. Дебет, кредит, сальдо — вот его мантры. Налог на добавленную стоимость — вот его религия. Здесь, в таблицах, всё было правильно, логично и неподвластно хаосу.

Но хаос поджидал его за порогом офиса.

Он решил уйти с работы позже обычного, чтобы избежать толпы. Стрелки часов перевалили за восемь вечера. Город уже зажёл свои жёлтые, размытые дождём огни. Семён Аркадьевич натянул плащ, поднял воротник, поправил очки и шагнул в темноту. До дома он решил добираться не привычным маршрутом через проспект, а дворами, тёмными арками, через парк. Путь удлинялся в два раза, но это была плата за безопасность.

Первые десять минут прошли спокойно. Он миновал детскую площадку, где на мокрых качелях сидели подростки с банками энергетика. Прошёл мимо ряда мусорных баков, возле которых копошилась бездомная кошка. Он уже почти поверил, что маскировка работает. И тут, проходя мимо продуктового магазина, он вспомнил, что дома нет хлеба. И ке-

фира. А без кефира утро не начнётся. Это был критический сбой в системе жизнеобеспечения.

«Один магазин, — сказал он себе. — Быстро. Туда и обратно. В этом районе меня никто не знает».

Он поправил очки, которые немедленно запотели от смены температуры, едва он вошёл в ярко освещённый торговый зал, и быстрым шагом направился к молочному отделу. Кефир он выбирал долго, сверяя проценты жирности и срок годности. Хлеб взял бездрожжевой, с отрубями. И уже стоял в очереди в кассу, как вдруг услышал за спиной сдавленное хихиканье. Он обернулся. Два студента, стоявшие за ним с корзиной, полной чипсов и газировки, смотрели на него, а точнее — в экран телефона, и перешёптывались.

— Смотри, — услышал он обрывок фразы. — Один в один. Да не, не может быть. А вдруг?

Сердце ёкнуло. Семён быстро отвернулся и принялся изучать состав жевательной резинки на витрине. Очередь двигалась медленно. Кассирша, пожилая женщина в смешной шапочке, неторопливо пробивала товары.

— Мужчина, — раздался голос сзади. Тот самый студент. — Извините, пожалуйста. А можно с вами сфотографироваться?

Семён замер. В висках застучало. Фотографироваться. С ним. Как с обезьянкой на курорте. Этого ещё не хватало.

— Вы ошиблись, — сказал он, не оборачиваясь. — Я не фотографируюсь.

— Да ладно вам, не скромничайте! — наседал парень. — Мы вас узнали! Вы же тот самый мужик с клеем, из «Тик-Така»! Это легендарно! Давайте один селфик, мы весь курс угораем с этого видео. Вы вообще красава.

Красава. Слово резануло слух. Семён понял, что отпираться бессмысленно. Его рассекретили. Он повернулся. Студент уже держал телефон на вытянутой руке, готовясь сделать снимок.

— Молодой человек, — ледяным тоном произнёс Семён. — Я вынужден вам отказать. Я не являюсь публичной персоной и не даю согласия на использование моего изображения. Если вы сделаете снимок, я буду вынужден обратиться в соответствующие органы.

Студенты переглянулись. Их лица выражали смесь удивления и разочарования.

— Да ладно, чувак, мы же по-хорошему, — буркнул второй. — Ты чего такой серьёзный? Звезду поймал?

— Я не чувак, — сухо ответил Семён. — И никакой звезды я не ловил. Всего доброго.

Он схватил с ленты свой кефир и хлеб, оставил купюру, не дожидаясь сдачи, и стремительно покинул магазин. В спину ему нёсся свистящий шёпот студентов: «Вот дикий какой! Точно он. Я ж говорил!».

Дома его ждало новое испытание. На автоответчике городского телефона мигало сорок семь сообщений. Сорок семь! За один день! Обычно за месяц набегало от силы два

— от Леночки и из стоматологической клиники с напоминанием о профосмотре. Он нажал кнопку, и комната наполнилась какофонией голосов.

«Здравствуйте, Семён! Это Марина из программы “Скандалы недели”. Не хотите ли рассказать нашим зрителям, как вы пережили свой звёздный час?»

«Семён Аркадьич, это редактор газеты “Жёлтый лист”. Мы готовим материал о новоявленных звёздах интернета. Каков был ваш гонорар?»

«Привет, чувак! Это продюсерский центр “Платина”. Мы тебя раскрутим так, что Макс Галкин обзавидуется. Перезвони!»

«Сёмочка! Это Леночка! Ты трубку не берёшь! Я всё видела! Мама в шоке, папа в шоке! Как ты мог так опозорить нашу фамилию! На тебя же весь Подольск смотрит! Перезвони немедленно!»

Последнее сообщение было самым страшным. Семён стёр все записи, не дослушав. Он опустился на стул. Квартира, его крепость, больше не была убежищем. Враги добрались и сюда. Они проникли по телефонным проводам, через экраны гаджетов, через взгляды случайных прохожих. Осада началась.

Следующие три дня он прожил на осадном положении.

Из дома выходил только по острой необходимости, да и то меняя маршруты и пряча лицо. На работу являлся к семи утра, запирался в кабинете и обедал принесёнными из дома бутербродами. С коллегами общался сквозь зубы, пресекая любые попытки заговорить о «том самом случае». Зинаида Павловна дулась. Вадик смотрел с сочувствием и время от времени приносил новые сводки с фронтов: «Семён Аркадьич, вы опять в трендах!», «Семён Аркадьич, ваш стикерпак скачали сто тысяч раз!». Семён только отмахивался, чувствуя, как внутри зреет гремучая смесь из раздражения, бессилия и горькой обиды.

Но на четвёртый день осада была прорвана самым неожиданным образом. В дверь его кабинета постучали. Не так, как обычно стучала Аллочка с бумагами — тихо и подобострастно. И не так, как Вадик — требовательно и быстро. Стук был чёткий, громкий, властный. Стук человека, который привык, что ему открывают.

— Войдите, — сказал Семён, не отрываясь от расчёта налога на прибыль.

Дверь распахнулась, и в кабинет, заполнив собой всё пространство, вплыл человек. Это был мужчина лет сорока пяти, в дорогом, явно сшитом на заказ костюме цвета кофе с молоком. Его туфли сверкали, как чёрные зеркала. В руке он держал портфель из крокодиловой кожи, а на запястье красовались часы, стоимость которых, по прикидкам Семёна, равнялась его годовой зарплате. От мужчины пахло дорогим

парфюмом и уверенностью.

— Семён Аркадьевич! — воскликнул он, расплываясь в голливудской улыбке. — Счастлив лицезреть воочию! Эдуард Арнольдович Трюфельский. Рекламное агентство «Инфлюэнс-Поток».

Семён снял очки и протёр их. Видение не исчезло. Эдуард Арнольдович, не дожидаясь приглашения, пододвинул стул и уселся напротив, положив ногу на ногу.

— Сразу к делу, — продолжил он, не давая Семёну вставить ни слова. — Я отслеживаю тренды. И ваш кейс — это бриллиант. Чистый, неогранённый алмаз. Вы, Семён Аркадьевич, на данный момент являетесь носителем колоссального медийного капитала. Ваше лицо узнаваемо. Ваш образ — это смесь трагикомической нелепости и непробиваемой солидности. Это то, что нужно измученной публике. Я хочу стать вашим агентом.

— Моим... агентом? — переспросил Семён, у которого от такого напора мысли разбежались, как тараканы от света.

— Именно! Я выведу вас на новый уровень. Рекламные контракты, съёмки в телепередачах, приглашения на светские мероприятия. У меня уже есть несколько предложений. Например, фирма «Супер-Клей» хочет сделать вас лицом своего бренда. Представляете? Их рекламный слоган: «Клей, который не подведёт. Проверено Бухгалтером». Это гениально!

В голове у Семёна что-то щёлкнуло. Лицом бренда. Ре-

клама суперклея. Слоган про проверено бухгалтером. Мир окончательно спятил. Люди, которые продают клей, хотят, чтобы их продукт рекламировал человек, случайно испортивший им еду. Это было всё равно что предложить человеку, пострадавшему от наводнения, рекламировать гидроизоляцию.

— Это абсурд! — вырвалось у него. — Вы предлагаете мне участвовать в этом балагане? Чтобы я, бухгалтер с двенадцатилетним стажем, стоял и рассказывал о достоинствах клея, как какой-то ярмарочный зазывала? Я не клоун, Эдуард... э-э...

— Арнольдович. Можно просто Эдик. И не говорите «нет», не взвесив все «за». Посмотрите на цифры.

Эдуард Арнольдович щёлкнул замками портфеля и извлёк папку. Ловким движением он развернул её перед Семёном. Там были графики, диаграммы, какие-то цветные распечатки с лицами. «План монетизации имиджа С.А. Зайцева» — гласил заголовок.

— Вот. Первый контракт — реклама клея. Стартовый гонорар — полтора миллиона рублей. Далее — реклама кухонной утвари: «Посуда, которую не испортишь». Ещё миллион. Далее — участие в кулинарном шоу на телевидении в качестве экстравагантного эксперта по выпечке. Гонорар обсуждаем. Я уже провёл предварительные переговоры с тремя федеральными каналами. Вы, Семён Аркадьевич, сидите на золотой жиле. Вам остаётся только подписать со мной дого-

вор.

Семён смотрел на цифры. Полтора миллиона. Это был шанс закрыть ипотеку за три года вперёд. Купить новую машину. Съездить в отпуск не в Геленджик, а куда-нибудь в Антарктиду, к пингвинам. Но какой ценой? Ценой окончательного публичного унижения? Он представил, как его лицо красуется на билбордах с тубиком клея в руке. Как коллеги по работе, контрагенты, даже та же Леночка из Подольска будут видеть это каждый день. Нет. Это невыносимо.

— Я отказываюсь, — твёрдо сказал он. — Это исключено. Моя репутация не продаётся.

— Репутация? — Эдуард Арнольдович саркастически приподнял бровь. — Голубчик, о чём вы? Ваша репутация бухгалтера в глазах шестидесяти миллионов человек уже трансформировалась в репутацию «Клейкого мужика». Вас не воспринимают всерьёз как аудитора. Вас воспринимают как мем. Это данность. Её можно либо принять и обернуть себе на пользу, либо страдать. Я предлагаю вам первое.

Семён хотел возразить, но слова застряли. В словах Трюфельского была доля горькой правды. Он уже не был прежним Семёном Аркадьевичем. И в его глазах это была катастрофа. А в глазах этого лощёного дельца — деловая возможность.

— Я подумаю, — сухо сказал он, чтобы побыстрее избавиться от визитёра. — Оставьте вашу визитку.

— Непременно, — Эдуард Арнольдович положил на стол

золотой прямоугольник с контактами. — Но думайте недолго. Поезд славы ждать не будет. Через месяц про вас забудут, и эти полтора миллиона достанутся кому-нибудь другому. Какой-нибудь бабушке, которая танцует тверк.

Он встал, поправил галстук и направился к выходу. У двери обернулся.

— И да, Семён Аркадьевич. Совет от профессионала. Смените гардероб. Эти серые костюмы... моветон. Вы должны стать чуть ярче. Это ваш бренд.

Когда дверь закрылась, Семён обессиленно откинулся на спинку стула. Визитка жгла ему руку. Полтора миллиона. И «танцует тверк». Что такое тверк, он не знал, но звучало уничижительно. Он скомкал визитку и бросил в корзину. Через минуту, поколебавшись, достал её, разгладил и убрал в карман пиджака. Бережливость и учёт требовали сохранять даже такие артефакты.

А вечером того же дня раздался звонок, который всё изменил. Звонила Леночка, но на этот раз не с истерикой, а с неожиданным предложением.

— Сёма! — закричала она в трубку. — Ты не поверишь! Я тут разговаривала с нашим местным телеканалом, «Подольск-ТВ». У них программа «Откровенный разговор». И они хотят тебя пригласить!

— Меня? — ужаснулся Семён. — На телевидение? Зачем?

— Как зачем? Ты звезда! Они хотят с тобой интервью.

Главный редактор, Нина Петровна, моя знакомая, она просто умоляет. Говорит, рейтинги взлетят до небес. Сёма, это же твой шанс! Ты сможешь всё объяснить! Расскажешь, что ты не сумасшедший, что это была случайность, что ты достойный человек. Обелишь свою фамилию перед всем Подольском!

Идея, как ни странно, показалась Семёну разумной. Не московское ток-шоу, не скандальные журналисты, а скромное подольское телевидение. Свои люди. Леночка обещала, что Нина Петровна — дама интеллигентная и сенсаций не допустит. Это был шанс сделать официальное заявление, поставить точку. Объяснить людям, что он не идиот, а жертва обстоятельств. Что он не «Клейкий мужик», а Семён Аркадьевич Зайцев, главный специалист расчётного отдела.

— Хорошо, Елена, — сказал он, набирая в лёгкие побольше воздуха, как перед прыжком в прорубь. — Я согласен. Дай мне контакты этой Нины Петровны.

Леночка взвизгнула от радости и пообещала всё устроить. Запись была назначена на пятницу. У Семёна было два дня на подготовку. Он подошёл к делу со всей основательностью. Составил текст выступления на трёх страницах, с пунктами и подпунктами. План был таков: краткое вступление (кто он такой), описание инцидента (подробный, акцентирующий внимание на случайности), выражение сожаления (о том, что это увидели миллионы) и финальный призыв уважать частную жизнь. Он выучил текст наизусть, репетируя перед зер-

калом, держа в руке вместо микрофона кухонный половник.

В пятницу утром он надел свой лучший серый костюм, галстук-бабочку и тщательно причесал оставшиеся волосы. Вызвал такси, потому что своим ходом ехать в Подольск было рискованно — могли узнать в электричке. Всю дорогу он молчал, повторяя про себя заготовленные фразы. Таксист, к счастью, оказался неразговорчивым.

Студия «Подольск-ТВ» располагалась в здании бывшего дома культуры. В коридорах пахло советской краской и пирожками. Семёна встретила сама Нина Петровна — дама с химической завивкой и в очках на цепочке. Она всплеснула руками, назвала его «нашим героем» и проводила в гримёрную. Гримёрша, молоденькая девушка с фиолетовыми волосами, припудрила ему нос и предложила подкрасить глаза. Семён отказался, решив, что это излишне.

— Вы не волнуйтесь, — прощепетала Нина Петровна, усаживая его на диван в студии, на фоне задника с видом ночного Подольска. — У нас всё по-домашнему. Эфир прямой, зрители могут звонить, но мы их отфильтруем. Я буду задавать вам мягкие вопросы. Главное — будьте собой!

«Быть собой» — вот что было для него самым трудным. Потому что он уже сам запутался, кто он теперь. В наушник, который ему вставили, зазвучал голос режиссёра: «Три, два, один... Эфир!»

Нина Петровна преобразилась. Её лицо озарила профессиональная улыбка. Она посмотрела в камеру и заговорила

хорошо поставленным голосом:

— Добрый вечер, дорогие подольчане! В эфире программа «Откровенный разговор». Сегодня у нас в гостях человек, чьё лицо за последнюю неделю увидели миллионы. Он не певец, не актёр и не политик. Он простой бухгалтер, который случайно стал звездой интернета. Встречайте — Семён Аркадьевич Зайцев!

Вспыхнула красная лампочка на камере. Семён сглотнул. Его ладони вспотели. Он посмотрел прямо в объектив и увидел там свою смерть. Нет, не смерть. Своё отражение — бледное, с застывшим взглядом.

— Здравствуйте, — произнёс он в микрофон, и голос его прозвучал как скрип двери склепа.

— Семён Аркадьевич, первый вопрос, который волнует всех. Как вы сами оцениваете то, что произошло? Что это было? Трагедия, комедия или фарс?

Вот он, момент истины. Сейчас он прочитает подготовленный текст. Он открыл рот. Но слова, выученные наизусть, вдруг разбежались, как цифры в неправильно свёрстанной таблице. Он увидел красный глазок камеры и представил себе не абстрактного зрителя, а Зинаиду Павловну у телевизора, Леночку с мамой и папой, студентов из супермаркета, Вадика, Эдуарда Трюфельского. Все они смотрели на него. И он должен им что-то сказать.

— Понимаете... — начал он, заикаясь. — Я бы оценил это как... форс-мажорное обстоятельство. Неподкон-

трольный субъекту фактор, который привёл к нежелательной огласке частной жизни. Если использовать бухгалтерскую терминологию, то это была ошибка в первичной документации, которая привела к искажению бухгалтерской отчётности.

Нина Петровна часто заморгала, явно не ожидая такого поворота. Но она была профессионалом.

— Очень интересная аналогия! А что вы почувствовали, когда поняли, что вас смотрят тысячи людей?

— Я почувствовал... — Семён запнулся. Заготовленный ответ «сожаление и стыд» вдруг показался ему фальшивым. — Я почувствовал себя как годовой баланс, вывешенный на доске объявлений в бане. Понимаете? Все смотрят, тычут пальцем в ошибки, а ты не можешь ни исправить, ни снять.

В студии повисла тишина. А потом случилось то, чего Семён боялся больше всего. Зазвонил телефон прямого эфира. Нина Петровна оживилась.

— О, у нас первый звонок! Алло, вы в эфире!

— Здравствуйте! — раздался зычный женский голос из динамика. — Это Галина из Подольска. Семён, я хотела спросить. А зачем вы вообще ту миску стали взбивать на камеру? Вам что, делать нечего? Это всё равно что штаны снять на площади!

Семён опешил. Он ожидал вопроса, но не такой беспардонной формулировки.

— Я... я не взбивал на камеру. Я просто готовил пирог.

Камера включилась случайно.

— Ага, случайно! — не унималась Галина. — Все вы так говорите. А потом в этих интернетах позоритесь! Вы лучше бы делом занялись, чем пироги стряпать! Мужик должен гвоздь забить, а не белками баловаться!

В студии повисло напряжение. Нина Петровна начала что-то говорить про «разные гендерные роли в современном обществе», но Семён её перебил. В нём вдруг вскипело всё раздражение, накопившееся за эти дни. Наглость звонящей вывела его из себя.

— Уважаемая Галина, — сказал он ледяным тоном, но с горящими глазами. — Что касается «заняться делом». Я, между прочим, главный специалист по налогообложению. И если вы когда-либо получали справку о доходах или вычет за лечение, то знайте, что работа людей, подобных мне, делает это возможным. А готовка — это такое же точное ремесло, как и забивание гвоздей. И я бы попросил вас не проецировать ваши представления о маскулинности на незнакомых вам людей!

Он выпалил это на одном дыхании. Нина Петровна смотрела на него с восторгом и ужасом одновременно. Красная лампочка телефона продолжала мигать — зрители, видимо, обрывали линию. Режиссёр в наушнике заорал: «Поддай жару! У нас рейтинг пополз вверх!»

Следующие полчаса превратились в крошечный ад, который транслировался на весь Подольск, а через спутник — и

на ближайшие районы. Звонили бабушки, обвинявшие его в разврате. Звонили молодые люди, спрашивавшие, где купить такой же суперклей. Звонила женщина, представившаяся экстрасенсом, которая заявила, что на нём порча, наложенная завистниками, и что для снятия нужен откуп в размере десяти тысяч рублей. Семён парировал, спорил, доказывал, размахивал руками. В какой-то момент, объясняя механизм падения тюбика, он так резко взмахнул рукой, что задел стоявший на столике графин с водой для ведущей. Графин покачнулся и рухнул прямо на колени Нине Петровне, залив её безупречный костюм морковного цвета.

Вода растеклась безобразной лужей. Нина Петровна взвизгнула. Камера крупным планом показала её мокрую юбку и её вытаращенные глаза. Семён застыл в позе фокусника, у которого фокус не удался. В наушнике раздался истерический смех режиссёра, который сквозь хохот прокричал: «Снимаем! Это бомба!»

— Простите, ради бога! — залепетал Семён, хватая со стола салфетки и пытаясь промокнуть лужу. — Я не хотел, это случайность!

— Да оставьте вы! — прошипела Нина Петровна, теряя остатки профессионализма. — Это эфир! Семён Аркадьевич, держите себя в руках!

— Я держу! Это графин не держится! — крикнул он в ответ, и его фраза, вырванная из контекста, тут же ушла в эфир.

Чат в «Тик-Так», который параллельно вели зрители, взорвался. «Графин не держится!» — стал новым девизом вечера.

Кое-как Нина Петровна свернула программу, пообещав зрителям «продолжение в следующем выпуске». Когда красная лампочка погасла, она встала, стряхивая с юбки остатки воды, и процедила сквозь зубы:

— Семён Аркадьевич. Вы были великолепны. В плохом смысле. Прощайте.

И ушла, оставив мокрые следы на линолеуме.

Семён остался в студии один. Декорация ночного Подольска смотрела на него нарисованными звёздами. Он сидел, уставившись в одну точку. Всё повторилось. Он снова, пытаясь всё исправить, сделал только хуже. Теперь к его вирусной коллекции прибавится ещё один ролик. «Бухгалтер залил ведущую». «Графин не держится». План по очищению репутации с треском провалился.

Домой он возвращался на электричке. Плевать на конспирацию. Плевать на узнавание. Он сидел у окна, смотрел на пробегающие тёмные леса и чувствовал себя абсолютно, космически опустошённым. Все его попытки контролировать ситуацию разбивались о какой-то злой рок. Стоило ему появиться на людях — и начинался цирк. Значит, выход один. Полная самоизоляция. Превратиться в невидимку. Уйти в подполье. Стать бухгалтером-призраком.

На следующий день, в субботу, он приступил к осуществ-

лению плана «Невидимка». Пункт первый: маскировка. Нет, не тёмные очки, которые только привлекали внимание. Нужно было стать другим человеком. Для этого он отправился в магазин приколов и театральных товаров, расположенный в полуподвале на Садовом кольце. Продавец, пожилой мужчина с бородой клинышком, смерил его профессиональным взглядом.

— Желаете изменить внешность, сударь? Для карнавала или для личных целей?

— Для личных, — буркнул Семён, чувствуя себя заправским шпионом.

— Понимаю. Ревнивый муж? Или от коллекторов прячесь?

— От поклонников, — выдавил Семён.

Продавец понимающе кивнул и предложил целый арсенал. Семён выбрал парик брюнета с прямым пробором, совершенно непохожий на его собственные рыжеватые волосы. Пышные казацкие усы на клейкой основе. Очки в толстой роговой оправе с простыми стёклами. И, в довершение образа, мешковатую куртку неопределённого цвета, которую он купил тут же, в секунд-хенде за углом. Завершали ансамбль дешёвые джинсы и кепка-восемиклинка. Из зеркала на Семёна смотрел типичный представитель творческой интеллигенции конца восьмидесятых годов, которого по ошибке занесло в двадцать первый век. Он остался доволен. В этом образе родная мама бы его не узнала. Если бы мама была

жива, конечно, и смотрела на него сквозь призму бухгалтерской отчётности.

В понедельник, облачившись в этот маскарадный костюм, он отправился на работу. План был прост: дойти до офиса никем не узнанным, быстро проскользнуть в кабинет и запереться там до вечера. Первая часть плана удалась. Он беспрепятственно миновал проспект, метро (где его никто не узнал, только пара человек покосились на странного гражданина) и подошёл к бизнес-центру. Окрылённый успехом, он уже почти вошёл в вертящуюся дверь, как вдруг боковым зрением увидел группу людей с камерами, стоящих у входа.

Журналисты. Целая стая. Они, видимо, дежурили здесь с утра в надежде поймать «звезду интернета». Семён внутренне сжался, но вспомнил про свой парик и усы. Неузнаваем. Он приосанился и смело пошёл прямо на них.

И тут случилось непредвиденное. Один из журналистов, самый молодой и наглый, с камерой, зажатой в руке, вдруг преградил ему путь.

— Извините! — крикнул он. — А вы не тот самый бухгалтер? Ну, который...

— Нет! — резко ответил Семён, стараясь говорить басом. — Я его коллега. Иван Иванович. Мы не похожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.